

ДЕПОРТАЦИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР В НАЧАЛЕ 1940-х гг.: МЕХАНИЗМ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Всего 2 десятилетия назад не было возможностей даже для постановки вопроса о механизме принятия решений при депортации российских немцев сталинским режимом. Тогда был известен всего один подобный депортационный акт, опубликованный в открытой печати вскоре после его принятия, – печально знаменитый Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. № 21-160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».¹

Конечно, зная практику советского законодательства, было трудно предположить, что марионеточный «Верховный Совет» мог принять столь значимое решение самостоятельно. Однако лишь в 1994 г. А. Герман обнародовал основные положения соответствующего партийно-правительственного акта – Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. № 2056-933сс (совершенно секретно) «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей».²

1 августа 1996 г., незадолго до 55-й годовщины депортации немцев Поволжья, я впервые опубликовал полный текст этого документа, позаимствованного из так называемой «Особой папки», в московском информационном листке «Видербург». В заметке «Когда же нам отмечать День Скорби?», сопровождавшей публикацию, мной подчеркивалось, что вопрос о дате принятия преступного решения остается открытым, «пока неизвестна процедура подготовки Постановления от 26 августа».³

Аналогичные загадки задают современным исследователям и некоторые другие депортационные акты сталинского периода. Так, в 1992 г. Н. Бугай опубликовал Приказ наркома НКВД СССР Л. Берии от 23 июня 1940 г. № 00761 «О переселении из гор. Мурманска и Мурманской области граждан инациональностей», касавшийся и немецких семей.⁴ Этот приказ ссылался на соответствующее правительственное решение, однако оно оставалось неизвестным даже годы спустя.

В начале 2006 г. Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева) выпустил в Москве, в известной серии «Россия. XX век», сборник документов «Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946»,⁵ вносящий определенную ясность в поставленные выше вопросы.

Отмечу также, что почти одновременно Фонд «Демократия» издал в той же серии и книгу «Немцы в истории России», подготовленную Общественной Академией наук российских немцев.⁶ Весной 2004 г. представители нашей Академии, включая меня, беседовали с А.Н. Яковлевым о возможном содержании будущей книги, и я хорошо запомнил его неподдельную личную заинтересованность как в прояснении сложной и малоизвестной истории российских немцев, так и в доведении этой информации до заинтересованных читателей разных национальностей. К глубокому сожалению, Александр Николаевич не дождал до выхода нашей книги в свет – он скоропостижно скончался в октябре 2005 г.

В настоящее время Фонд «Демократия» выставляет в Интернете документы, опубликованные в книгах серии «Россия. XX век». По обоим упомянутым изданиям эта работа уже проделана.⁷ В рамках тематики нашей статьи привлекают внимание 3 документа из указанной книги о Лубянке и Сталине.

Начнем с документа № 195 – спецсообщения Берии Сталину от 25 августа 1941 г. № 2514/б, которое начинается фразой: «В соответствии с Вашими указаниями при этом

представляю проект постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о порядке переселения из Республики Немцев Поволжья и Саратовской и Сталинградской областей». Следующий далее текст в точности соответствует содержанию Постановления № 2056-933.

Итак, мы вправе сделать вывод, что механизм принятия рокового решения о депортации поволжских немцев (и, как следствие, ликвидации АССР Немцев Поволжья) выглядел следующим образом. Сталин, решив осуществить эту беспрецедентную по масштабам депортационную акцию, поручил Берии представить текст соответствующего партийно-правительственного документа, нарком НКВД выполнил руководящее указание 25 августа, и на следующий день сталинское Политбюро послушно проштамповало депортационный акт, получивший максимально высокий по тогдашним понятиям статус – Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б).

Спецсообщение Берии завершалось фразой, традиционной для тогдашних советских документов, направлявшихся в вышестоящие инстанции: «Прошу Ваших указаний». Таковые и последовали в Постановлении № 2056-933, подписанном лично Сталиным. Исходя из них, нарком НКВД смог уже 27 августа издать приказ № 001158 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей».⁸

И лишь после всего этого настала очередь выступить с известным Указом Президиуму Верховного Совета СССР. Фактически на долю «высшего органа» государственной власти СССР оставили только самое грязное дело, которое погнушались взять на себя ЦК, СНК и даже НКВД, – «правовое обоснование» уже проводимой депортационной акции задним числом.

Документ № 114 приводит основные положения строго секретного Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 июня 1940 г. № 256 «О переселении граждан иностранных национальностей из гор. Мурманска и Мурманской области». Этим актом Политбюро утвердило проект соответствующего Постановления СНК СССР, в котором правительство, в свою очередь, «постановило» утвердить предложения НКВД СССР, регламентировавшие проведение данной депортационной акции.

Таким образом, порядок принятия решения здесь тот же, что и в предыдущем случае: НКВД – Политбюро – правительство – НКВД. Разница лишь в том, что вся процедура была проделана за 1 день, 23 июня, и основной депортационный акт представлял собой Постановление СНК СССР, а не СНК и ЦК ВКП(б). То и другое связано, очевидно, с гораздо меньшими масштабами акции – в июне 1940 г. было предписано депортировать «всего» 8617 человек, а не сотни тысяч, как в августе 1941 г.

Тем не менее, депортационная акция 1940 г., до сих пор почти не привлекавшая внимания исследователей, примечательна во многих отношениях и нуждается в некоторых комментариях. Несомненно, что она находилась в одном ряду с депортацией части польского и немецкого населения Волыни в 1936 г. и корейского населения Приморья в 1937 г. Все эти депортации с пограничных территорий принято считать некими превентивными акциями в преддверие возможных военных действий – хотя позволительно усомниться, скажем, что в те годы Польша или Япония реально угрожали войной СССР.

Однако акция 1940 г. имела и ряд особенностей, присущих только ей. В данном случае депортации подлежали граждане таких национальностей, которые (за исключением разве что финнов, норвежцев и шведов) никогда не проживали в районе выселения в

заметном количестве. В основном это были ссыльные, тогдашние или бывшие, которых в свое время препроводили на сталинские стройки Кольского полуострова под конвоем.

Резкий переход от принудительной доставки к принудительной высылке этих людей приводит к выводу, что тут действительно имели место экстраординарные меры, связанные, по всей видимости, с возможной войной. Правда, в Москве были озабочены явно не новой войной с Финляндией – иначе не имело смысла выселять представителей скандинавских и прибалтийских народов в соседствовавшую с этой страной Карело-Финскую ССР (остальных выселенцев – немцев, поляков, китайцев, греков, корейцев – было предписано депортировать в далекий Алтайский край). Остается предположить, что акция была задумана уже с прицелом на войну с Германией, хотя со времени подписания известных советско-германских пактов о ненападении и дружбе не прошло и года.

В депортационных актах июня 1940 г. обращает на себя внимание и новое слово в этнографии – изобретение советскими властями термина «иностранные национальности» (или «инонациональности»). Имелись в виду граждане, родственные народы которых имели государственность за пределами СССР.

Впрочем, новизна здесь весьма относительна – аналогичная терминология использовалась уже в «ликвидационных законах» Николая II времен Первой мировой войны.⁹ Последний российский самодержец вел речь о «неприятельских выходцах», но подразумевал практически то же самое. И Николай, и Сталин постулировали дискриминацию определенных российских (советских) граждан только на том «основании», что места их этнического происхождения находились за пределами страны. Такой подход прочно утвердился в советской национальной политике уже в период «Большой чистки» 30-х гг., когда НКВД, направляемый Сталиным, развернул ширококомасштабную «операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов» в составе подобных граждан СССР.

Аналогичной позиции придерживались, в сущности, и преемники Сталина, недвусмысленно вынеся представителей этих национальностей за скобки официальной реабилитации репрессированных народов. В ходе этого процесса не были возвращены в места прежнего проживания только люди с такими, особо подозрительными корнями – немцы, крымские татары, турки-месхетинцы, поляки, корейцы, финны-ингерманландцы, понтийские греки и др.

Документ № 197, в отличие от двух вышеуказанных, в принципе известен историкам. Речь идет о строго секретном Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 г. № 21 «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР», которое в последние годы было введено в научный оборот усилиями В. Кригера и некоторых других авторов. Однако степень внимания к данному акту, на мой взгляд, пока что явно несопоставима с его значимостью для судеб немецкого населения, депортированного и отправленного в концлагеря властями СССР с 1941 г.

Постановление распространялось на немцев, проживавших на востоке Украины – в Ворошиловградской, Днепропетровской, Запорожской, Киевской, Полтавской, Сталинской, Сумской, Харьковской, Черниговской областях, и предусматривало: 1) арестовать тех из них, что состояли на учете как «антисоветский элемент»; 2) «мобилизовать» остальных трудоспособных немцев-мужчин от 16 до 60 лет «в строительные батальоны и передать НКВД для использования в восточных областях СССР».

В итоге десятки тысяч украинских немцев были отправлены под конвоем в Ивдельлаг, Богословлаг, Соликамстрой и Кимперсайлаг. Наряду с немцами, изгнанными из Красной Армии в соответствии с Приказом наркома обороны СССР И. Сталина от 8 сентября 1941 г. № 35105, они и стали первыми «трудоармейцами» 40-х гг. Судьба этих людей особенно трагична. Как видно, к примеру, из недавно изданной Книги Памяти немцев-трудоармейцев Богословлага,¹⁰ в этом лагере смерти погибли многие сотни немецких выходцев из указанных областей Украины.

Участь таких украинских немцев нашла потрясающее отражение в только что вышедшей книге воспоминаний выдающегося спортсмена-тяжелоатлета Рудольфа Плюкфельдера.¹¹ Жертвами смертоносной «спецоперации», направлявшейся сталинским Политбюро, стали отец и старший брат автора, жившие в Донбассе, а будущий тесть Плюкфельдера, Самуил Зигель, оказался в колонне немцев-мужчин из Днепропетровской области, которых в сентябре 1941 г. погнали, как скот, в гибельный Ивдельлаг.

Исходя лишь из текста данного Постановления, малоинформированный читатель может прийти к выводу, что оно всего-навсего предписывало подвергнуть немцев Украины особому типу мобилизации, осуществлявшейся в условиях войны. В действительности всеобщая мобилизация, объявленная в СССР с 23 июня 1941 г., касалась только мужчин 1905-18 гг. рождения, которым было в то время от 22-х до 36, а не от 16 до 60 лет, как в нашем случае. Я уже не говорю о том, что обычная мобилизация отнюдь не предусматривала передачу мобилизованных в распоряжение НКВД.

На деле Политбюро фактически предписало объявить вне закона, депортировать и заточить в концлагеря заметную часть немецкого населения СССР по сугубо национальному признаку. Именно это решение послужило образцом для всех принятых в 1942-43 гг. постановлений Государственного Комитета Обороны (ГКО) о «мобилизации» немецких мужчин, а затем и женщин в так называемые рабочие колонны («трудоармию»).

Документ от 31 августа 1941 г., как и два отмеченных ранее, исходил от высших партийных органов. Более того, в данном случае только они и были привлечены к принятию решения – насколько мне известно, единственный подобный пример среди всех репрессивных актов, направленных против российских немцев. Тем самым партийные бонзы нагло попрали советское законодательство, ни в коей мере не наделявшее их подобными полномочиями.

Отменяя многие репрессивные акты в 1991 г., власти СССР предпочли попросту закрыть глаза на это вопиющее явление. Результатом явился странный правовой казус: такие основополагающие депортационные акты, касавшиеся немецкого населения страны, как Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. № 2056-933 и Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 г. № 21, никто так и не удосужился отменить. Насколько я знаю, эти противозаконные и преступные решения партийной верхушки не стали предметом разбирательства и на карикатурном «суде над КПСС», затеянном в 90-х гг. по указке Б. Ельцина, в недавнем прошлом – партийного деятеля самого высокого ранга.

С сентября 1941 г. механизм принятия решений о депортации немецкого населения СССР претерпел существенные изменения. Руководящую роль стал теперь играть ГКО, созданный 30 июня 1941 г. и являвшийся в годы войны, а также некоторое время после нее высшим органом власти страны, хотя тогдашняя Конституция СССР ничего подобного не предусматривала. Менее значимые депортационные акции осуществлялись на основе распоряжений СНК СССР и приказов Военных Советов соответствующих фронтов.

Осталась неизменной лишь громадная роль НКВД СССР в принятии решений депортационного характера. Высшее карательное ведомство не только инициировало подобные решения и активно участвовало в их принятии, но и осуществляло некоторые депортационные акции исключительно на основе собственных приказов.¹²

Устранение ранее всевластных партийных органов из механизма принятия депортационных решений с осени 1941 г. – далеко не случайное явление. После начала войны и до конца своих дней Сталин предпочитал принимать основополагающие решения через государственные, а не партийные структуры. Более того, он почти прекратил проводить партийные съезды, пленумы и даже заседания Политбюро. Реставрация «руководящей роли партии» начала осуществляться лишь после смерти Сталина, с сентября 1953 г., когда высшим партийным лидером – Первым секретарем ЦК КПСС – стал Н. Хрущев.

*Виктор Дизендорф
Октябрь 2008 г.*

Примечания

1 Ведомости Верховного Совета СССР, 1941, 2 сентября, № 38.

2 Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Часть II. Автономная республика. 1924 – 1941. Саратов, 1994, с. 284-286.

3 Дизендорф В.Ф. Десять лет в «Возрождении». М., 2000, с. 510.

4 Иосиф Сталин – Лаврентию Бери: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. Вступ. ст., сост., послесл. Н. Бугай. М., 1992, с. 26-27.

5 См.: Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. Сост.: В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2006.

6 См.: Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917. Сост. В.Ф. Дизендорф. М., 2006.

7 См.: www.idf.ru/Fund/Issues/62057/, www.idf.ru/Fund/Issues/62154/.

8 Иосиф Сталин – Лаврентию Бери, с. 41-43.

9 Немцы в истории России, с. 562-628.

10 См.: GEDENKBUCH: «Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941–1946». Авторы-составители: В.М. Кириллов, П.М. Кузьмина, Н.М. Паэгле, А.А. Пермяков, С.Л. Разинков. Т. 2. М., Нижний Тагил, 2008.

11 См.: Плюкфельдер Р.В. Чужой среди своих. Книга I. Невыездной. Ред. В.Ф. Дизендорф, А.И. Эрлих. М., 2008.

12 Дизендорф В.Ф. Пояснительная записка, в кн.: Становление и развитие сообщества немцев Российской Федерации. Сборник материалов. Вып. 1. Проект Федеральной комплексной программы становления и развития сообщества немцев Российской Федерации. М., 1996, с. 86-87.